

Анализ игрового набора ребенка как опредмеченной картины мира в традиции и в современности

Analysis of the child's play set as an objectified picture of the world in tradition and modernity

Теплова А.Б.

Канд. пед. наук, ведущий научный сотрудник федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва
e-mail: abteplova@mail.ru

Тeplova A.B.

Candidate of Pedagogical Sciences, Leading Research Fellow, The Federal State Budget Scientific Institution «Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education», Moscow
e-mail: abteplova@mail.ru

Аннотация

Проведен анализ игровых наборов ребенка в разных сословиях на протяжении нескольких веков российской истории, а также игровой набор современного ребенка. Определен педагогический потенциал игрушки. Выявлены значимые игрушки, задающие вектор будущего служения ребенка. Проведено исследование отношения современных родителей к игрушкам.

Ключевые слова: игровой набор ребенка, игрушка, картина мира ребенка, педагогический потенциал игрушки.

Abstract

The analysis of the child's play sets in different social groups for several centuries of Russian history, as well as the play set of the modern child. The pedagogical potential of the toy is defined. Revealed significant toys that specifies the vector of the future ministry of the child. A study of the attitude of modern parents to toys.

Keywords: child's play set, toy, child's world picture, pedagogical potential of toy.

Игрушка сопровождает человека в его развитии на протяжении всей истории человечества. Она выступает в роли посредника между миром ребенка и миром взрослых. Она является помощником взрослого в воспитании ребенка и передаче ему главных смыслов человеческой жизни. Игрушка – идеальное орудие, вводящее ребёнка в мир человеческих отношений. Образная игрушка воспринимается ребёнком как «идеальная форма», образ взрослости, на которую как на центральную категорию, задающую целостность детства, указывал Л.С. Выготский [1]. В игрушке наиболее ярко проявляется образ той культуры, которая её породила. Внешняя среда, равно как и внутренний мир личности, – историчны. Они изменяются с ходом времени, с развитием культуры, с проживанием тем или иным поколением своего уникального опыта. Каждое поколение, каждая социальная среда вкладывают свой текст в игрушку, которую даёт своим детям.

Рассматривая игрушку как инструмент педагогического воздействия взрослого, мы выявляем её педагогический потенциал в двух существенных проявлениях:

- в содержании, заложенном в самом образе игрушки, как культурном тексте;
- в заданных игрушкой формах взаимодействия, порождающих ответные ориентировочные действия и социальные эмоции ребёнка, и активизирующих механизмы его личностного роста.

В процессе выбора ребёнком определенного игрушки места в его ценностной системе координат, задействуются, начинают проживаться и осмысливаться в игре те ценности, которые с ней связываются. Поэтому существенно то, какие именно образы предлагает взрослый для осмысления ребёнку через игрушку.

Известно, что игрушечный мир отличается большим консерватизмом. Наборы детских игрушек сохранились неизменными практически до наших дней. «Весьма нередко почти одни и те же игрушки встречаются у многих народов различных стран и времен; ... многие народы, трудясь над изобретением игрушек и игр для своих детей и притом находя у последних наклонности весьма сходные с наклонностями детей других народов, в состоянии были придумать и дать своим детям почти такие же игрушки, какие в свою очередь придумали и дали своим детям другие народы, не имевшие о первых, может быть, ни малейшего понятия» [2, с. 71]. Различия игрушек не существенны и относятся к культуре определенной эпохи. Однако современные родители давно утратили возможность самостоятельно формировать игровой набор ребенка. Игрушка перешла из рук воспитывающего взрослого в руки дизайнера, создающего свои образы, часто не имеющие никакого педагогического содержания и воспитательного смысла. В современном постиндустриальном мире значение игрушки сводится до «уровня легко заменяемой и имеющей ценность только в качестве новинки или антикварного раритета «вещице». Современная игрушка предлагает ребёнку совершенно новый деформированный образ взрослого, часто агрессивный либо фантазийный. «В результате обесмысливается идеальная форма — идея, организующая деятельность детей, эта деятельность перестает быть ведущей — расслаивается и размывается, поскольку становится неясным, «куда вести»» [3, с. 119].

Несоответствие современной игрушки человеческим смыслам, заложенным в ней, практике взаимодействия ребёнка с ней, а так же воспитательным задачам, решаемым взрослым, становится серьёзной проблемой. В связи с этим было предпринято исследование отношения современного взрослого к игрушке, его предпочтениям в формировании игрового набора ребёнка.

Исследование проводилось в 2013 г. с помощью открытой авторской анкеты. В исследовании принимали участие 143 родителя и прародителя. Из них: 77 матерей, 38 отцов, 17 бабушек, двое дедушек и 8 воспитателей и педагогов. В опросе принимали участие родители из Москвы, Екатеринбурга и Ярославской области [4].

Обзор родительских мнений о лучшей игрушке показал, что сегодня родители подходят к выбору игрушки рационально и прагматично, что отражает диаграмма в соответствии с рис. 2.4.

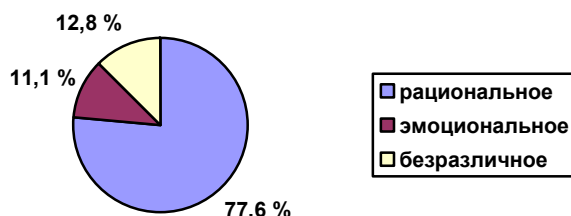

Рис. 1. Отношение родителей к выбору игрушки

Подавляющее большинство родителей – 77,6% считают, что игрушка должна быть преимущественно дидактичной и отдают предпочтение игрушкам, развивающим интеллект,

способности к логическому мышлению и пр., т.е. тем игрушкам, которые не являются образными. Рациональный подход использует и достаточно большая группа родителей, которые воспитывают своих детей в православных образовательных учреждениях. Хотя они считают, что игрушка должна готовить мальчика к профессии, а девочку к материнству, выбираемые ими игрушки не соответствуют их педагогическому посылу, который ограничивается пониманием игрушки как своеобразного тренажера для ребёнка. Это отсекает важную для игрового взаимодействия составляющую событийности и эмоциональной привязанности.

Вторая группа родителей – 11,1% относится к выбору игрушки эмоционально. Здесь преобладают такие определения, как «любимая», «добрая», «из моего детства, таких уж нет» и пр. И, наконец, третья группа родителей – 12,8% – безразлична к выбору игрушки или не задумывалась об этом.

Одновременно с помощью этой анкеты мы выяснили, какие игрушки были в детстве у опрашиваемых взрослых. В подавляющем большинстве мамы и бабушки ответили, что любимой игрушкой в их детстве были куклы, а у мужчин – машинки и солдатики. Мягкая игрушка появляется в качестве любимой только у родителей младше 45 лет. Анализ любимых игрушек, а так же перечисленных взрослыми игрушек своего детства показал, что игровой набор современного ребёнка значительно отличается от игрового набора их родителей и прародителей. Этот факт заставил нас предпринять анализ игровых наборов игрушек в разных сословиях и в разные исторические эпохи.

Мы обратились к анализу игровых наборов разных социальных групп и сословий, а также игрового набора советского периода нашей истории и современных детей с целью выявления происшедших в нём изменений, влияющих на процесс становления картины мира ребёнка.

Анализ игровой среды в разных социальных группах и сословиях в России с XVI по XX в. по историческим и мемуарным источникам показал, что основу игрового набора всех социальных групп составляли кустарные традиционные игрушки. Они представляли традиционный национальный образ мира: мелких зверушек, домашних животных, человечков, повозки, утварь и пр. Эти игрушки составляли основу игрового набора ребёнка. Их покупали на ярмарках, в паломнических «хождениях», чаще всего «к Троице» в Троице-Сергиеву лавру, которая долгие годы была центром кустарного игрушечного производства. Игрушки этой группы можно условно разделить на две группы:

- игрушки-потехи – свистелки, музыкальные шкатулки, движущиеся игрушки (резные медведи, клюющие курочки и пр.);
- игрушки, составляющие образ окружающего мира – животные, фигурки людей и сказочных персонажей, посуда и кукольная мебель, повозки и пр.

Важнейшим свойством кустарной игрушки была её народность. Яркие, условные игрушки давали ребёнку представление не только о разных сферах человеческой жизни, но и о национально своеобразном отношении к ним. С нашей точки зрения функционально такие игрушки соответствуют потешкам и прибауткам в материнском фольклоре, поскольку также представляют мир во всём его многообразии, показывают разнообразие связей и отношений, особенности национального юмора. Характерной чертой образов кустарной игрушки была их сказочность, иносказательность, сочетающаяся с удивительной мерой реализма. Такая игрушка создаёт вокруг себя некое фольклорное поле, она провоцирует на веселый «потешный» диалог, прибаутку, смех.

«Величайшая правда и простота мироощущения, большая выразительность и целесообразность, стремление понять окружающее и овладеть им обеспечивало игрушке все педагогические качества: она радовала, развивала творчество, учила понимать окружающую жизнь, учила владеть основными видами труда взрослых» [5, с. 34]. В этом высказывании советского педагога и исследователя детской игрушки Е.А. Флёринной выражено важнейшее

качество народной игрушки – направленность на понимание мира, простота и ясность мироощущения.

Царский игровой набор.

О царских детских игрушках мы можем узнать по немногим предметам, сохранившимся в музейных коллекциях и по архивным материалам. Основной источник – книга историка И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI-XVII веках». Из представленных в ней архивных документов можно узнать, какими игрушками и в каком возрасте играли царские дети, кто и из чего их изготовил, или где и за сколько они были куплены. Это позволяет понять, какие воспитательные цели ставились, каким они образом воплощались, а главное, какую роль в этом играла детская игрушка.

Игрушки для царских детей «большею частью покупались у торговых людей в Овощном, Пряничном и Потешном, то есть игрушечном, городских рядах и в лавках у иноземцев» [6, с. 572]. Много игрушек покупали царицы в паломнических «хождениях» к Троице (Троице-Сергиевой лавре), ставшей уже к тому времени центром кустарного производства игрушек, и к другим монастырям. «Такова была, можно сказать, деревенская, крестьянская простота царского быта, всенародная простота его обычных потребностей и вкусов. Тут же покупались и простонародные игрушки различных видов и наименований, кому что нравилось для детской забавы» [7, с. 574]. В многочисленных описях можно найти весь спектр традиционной народной кустарной игрушки: хозяйственную утварь, предметы труда, ножички, домашних зверей, коней, медведей, саночки и возки, резные фигурки людей – всё, что составляло картину традиционного крестьянского мира.

Особый род игрушек составляли драгоценные дары, приносимые ещё новорожденным царским детям от родных и придворных лиц, которые представляли собой мир чудесный, фантастический, заморский и вносили сказочную ноту в картину мира царских детей.

Были в игровом наборе царских детей и самодельные игрушки, сделанные в царских мастерских и расписанные лучшими живописцами. Такие игрушки поновлялись, т.е. ремонтировались и переходили от старших детей к младшим. Среди них были мячи, кубари и волчки, куклы и мебель для них, сундуки и шкатулки, кони и воины, оружие и доспехи, и, конечно, санки и качели. Игрушки первого года жизни были в основном звучащие – мячи с бубенцами, колокольчики, игрушки-забавы.

Бесстрастная точность описей позволяет определить, какие именно игрушки и в каком возрасте оказывались в детской у царевичей. Так, известно, что 23 января 1630 г., когда царевичу Алексею Михайловичу шел только одиннадцатый месяц царь Михаил Федорович подарил своему сыну потешного коня. «Конь немецкое дело, делан на стоянце на деревянном; на коне седло и войлуки оболочены бархатом черевчатым рытым; узда и паперсть и пахви и ременье объяринные – оковано медью луженою; стремена меденые ж лужены, покровец на седле камка двоелична мелкотравна немецкая» [8, с. 576]. Коня делали с величайшим искусством немецкие мастера в рост годовалого ребёнка. Его обтягивали атласом или даже жеребьячьей кожей, раскрашивали, украшали гривой и надевали полное конское снаряжение и упряжь. Для нас важно, что И. Забелин специально уточняет, что это «конь потешная лошадка, не кукла, а потеха сравнительно большого размера, отвечавшая возрасту годовалого ребёнка, так что он мог садиться на этого коня» [9, с.576]. Потешный конь, который должен заместить настоящего коня маленькому ребёнку, принципиально отличается от зооморфной куклы-коника соразмерного не человеку, а игрушкам.

Традиция дарить коня годовалому ребёнку была очень устойчивая, что позволяет провести параллель со старинным обрядом «пострига» или «сажания на коня», который существовал в древности в княжеских семьях и завершался первым сажанием мальчика на коня. Он символизировал собой переход ребёнка от материнского надзора к мужскому [10]. Этот обряд – несколько видоизмененный – сохранился в крестьянской среде и у казаков. Обычно трехлетнего ребёнка сажают на настоящего, а не игрушечного коня. Можно предположить, что потешный конь подготавливал царевича к будущему обряду, а впоследствии – заменил его. Здесь вновь уместно вспомнить, что многие действия,

совершаемые с младенцами на первом году жизни, делались как бы «в запас», на дальнюю перспективу.

Также на первом году жизни царевичам начинали готовить «в запас» их главные игрушки – военные потехи. Первыми воинскими игрушками царевичей были знамя и барабан – символы военных действий, призванные укрепить дух войска, повести его вперёд, к победе. Так, у двухлетнего царевича Петра Алексеевича было «пять знамен маленьких писанных красками, золотом и серебром по разным тафтам, с обе стороны солнце и месяцы и звезды; сделано шесть барабанцов, 12 палочек» [11, с. 584-585]. Все остальные военные игрушки: пушки, пищали, пистолы, карабины, сабли, палаши, топоры, копья на древках, а так же знаки: воеводские булавы, шестопёры появлялись у царевичей значительно позднее.

Из описания детских игрушек, данного И. Забелиным, видно, что они подбирались детям сообразно их вкусам и пристрастиям, что говорит о педагогическом такте их воспитателей. Так, царевич Алексей Михайлович особо любил музыкальные инструменты, причём самые простонародные – гудок, домру и рыле (колесную лиру). Его сын царевич Федор Алексеевич унаследовал его любовь к музыке. Для его музыкальных инструментов был сделан даже особый ящик. Были у него и механические музыкальные потехи – черный ящик с восковыми фигурками немцев, играющих на музыкальных инструментах.

Царевич Алексей Алексеевич увлекался воинскими забавами: стрельбой из лука и шахматами, которые использовал не по назначению, а для разыгрываемых им военных игр. Потому для него специально делали коней с всадниками и боевых слонов. Будущий царь Петр тоже любил воинские забавы, но предпочитал играть с настоящими детьми, которых у него был целый полк.

Были у царевичей и игрушки-куклы. В царском доме сложилась довольно интересная традиция делать игрушки, изображавшие народ, подданных. Это могли быть как женские, так и мужские фигурки. В игровом наборе детей императора Николая II мы находим серию кукол в костюмах народов, населявших Россию.

Итак, быт русских царей XVI – XVII вв. отличался царской роскошью в нарядах и утвари, но при этом был в основе своей простонародным, сходным в самом главном своем основании – вере, обычаях, нравах и укладе. Это же можно сказать и о царских детских игрушках, большую часть которых составляли игрушки, купленные у кустарей-игрушечников, ничем не отличавшихся от игрушек простых посадских и крестьянских детей. Однако среди царских игрушек можно выделить особые, определяющие царское достоинство их обладателей. Они относятся к группе воинских игрушек, но сами по себе являются не орудиями войны, а символами военных действий, и в тоже время – главными трофеями последних. Первой воинской игрушкой царевича был не меч – как символ агрессии, не доспехи, как символ защищённости, не солдатика, как символы подчиненных, но знамя и барабан. Барабан поднимает боевой дух войска, задаёт ритм битве, поддерживает и укрепляет её дыхание. Барабанщик не воин в прямом смысле этого слова, защищающий, убивающий, непосредственно принимающий участие в сражении, но «гений» битвы, ничем не защищенный, никому не угрожающий, но являющий собой дух войска. Знамя это символ государства, ведущего войну. Утрата знамени в битве обозначает поражение.

Эти игрушки переводили игру на высокий уровень символических значений, делая её не иллюзией битвы, не проживанием побед и поражений, но духовным переживанием той роли, которая возложена на будущего государя.

Дворянский игровой набор.

При анализе дворянских игрушек мы использовали мемуарную литературу. Наиболее полным свидетельством являются воспоминания художника Александра Бенуа о своих игрушках. Уже взрослым художник собирал коллекцию игрушек, которую впоследствии передал Русскому музею, поэтому его свидетельства особо значимы.

Главной игрушкой дворянского мальчика были солдатика. Это, безусловно, восходит к истории возникновения дворянства как сословия служилых людей, главной целью которых было служение государю на воинском или гражданском поприще. «Солдатиков было у меня

несколько сотен. Одни были оловянные, другие бумажные, вырезанные папой, наконец, в удовлетворение моей страсти, папочка мне делал их из игральных карт, которые он перегибал пополам в высоту и обкрамсывал по краю с заострением кверху. Такая форма позволяла им стоять довольно стойко, но истинную радость мне, всё же, доставляло не стояние их, а падение» [12, с. 175]. В игровом наборе дворянского мальчика были солдатики как привозные иностранные, так и самодельные, и народные кустарные. «Нравились они мне по двум причинам — и потому что они были раскрашены в особенно яркие и глубокие «колеры» (например голубые мундиры с желтыми пуговицами, при белых штанах), и потому, что они восхитительно пахли, «пахли игрушками», — пахли тем чудесным запахом, которым густо были напитаны и игрушечные лавки» [13, с. 176].

Самой любимой для ребёнка игрушкой стал большой солдатик из папье-маше, сделанный в рост трехлетнего ребёнка. Здесь следует вспомнить коня в рост маленького царевича. Именно этот большой солдат, «на котором был красный мундир и у которого была такая милая, круглая, розовая рожица с черными усиками», стал для мальчика лучшим другом. «Когда я, наконец, лет трех получил такого солдата и полагающуюся при нём полосатую будку, то я точно получил себе живого товарища. Я даже клал его вместе с его неотделимым ружьем к себе в кровать под одеяло, а в его будку я мог свободно влезать» [14, с. 177]. Характерно, что военные игрушки не повлияли на будущую судьбу мальчика, ставшего впоследствии, по его словам, «завзятым «пацифистом»».

Конечно, у дворянских детей были множество других игрушек как кустарного, так и иностранного промышленного производства. Однако для нас главное, что основной игрушкой дворянского мальчика был солдатик, в образе которого заложен смысл «служения», воинской доблести и чести, особо значимый для дворянского сословия.

Крестьянский игровой набор.

Игровой набор крестьянского ребёнка не отличался большим разнообразием игрушек. Главной образной игрушкой крестьянских детей были кукла для девочек и лошадка или конь для мальчиков. Для мальчика в крестьянской игровой культуре, кажется, и нет собственно мужской игрушки, кроме коня. Конь относится к образным зооморфным игрушкам и в условиях традиционной культуры также специально делается взрослым для ребёнка. Он отличается от маленькой лошадки, купленной на ярмарке, и размером и смысловым содержанием. В народной культуре конь был очень важным символом. Вспомним хотя бы коников на крышах русских изб. Конь был символом солнца, мужского оплодотворяющего начала в природе, в свадебной обрядности конь мог замещать образ жениха, выступать его помощником. Это позволяет говорить о том, что игрушка «конь» для крестьянского мальчика означала нечто большее, чем просто помощник в работе или транспортное средство. Очевидно, что по своему значению коня нельзя сравнить, например, с современной игрушечной машинкой.

Как и в других сословиях, основу игрового набора крестьянских детей составляли кустарные игрушки и самодельные игрушки-забавы. С возрастом у детей появлялись игрушки или, точнее, миниатюрные копии предметов труда, которые дети могли использовать в игровой деятельности под присмотром взрослых. Дети сами мастерили себе игрушки из природных материалов, прежде всего, глины. Образный ряд игрушек крестьянских детей соответствовал образу окружающего их мира.

Советский игровой набор – 1917 – 1991 гг.

Революция вписала своеобразную страницу в историю русской игрушки. Её главной особенностью стала идеологизация детской игрушки. Многие игрушки буквально подверглись репрессиям, особенно куклы, которые были объявлены символом мещанства. Борьба с семьёй, со старыми укладами жизни привела к тому, что кукла была объявлена вредной игрушкой и изъята из детских учреждений. Одновременно шла работа над созданием новой советской игрушки. Старые игрушки наполнились новым содержанием. Так появились красноармейцы, пионеры, санитарки и метростроевцы – новые советские реалистические игрушки, отвечающие задачам коммунистического воспитания детей.

Однако дети в детских садах продолжали играть «в семью», используя для игры различные предметы-заместители.

В результате проведённых советскими педагогами экспериментов было всё же доказано, что кукла необходима ребёнку, но кукла особая. Наиболее яркий исследователь детской игрушки, педагог Е.А. Флёрина, активно разрабатывала новые игрушки. По её мнению «в кукле должен быть представлен облик ребят. Одежда куклы должна быть яркой, привлекательной, простой. Кроме куклы-одиночки, серьёзное внимание следует уделить наборам, изображающим ребят детского сада (яслей), пионеров, рабочих, крестьян, солдат, детей и трудящихся разных стран и народностей СССР. Эти наборы небольшого масштаба обогащают детскую игру, дают ей определённую направленность, позволяют широко развернуть темы современности» [15, с. 21]. Очевидно, что этот новый игровой набор был отражением складывающейся картины мира советского человека. Новые ценности требовали отражения в новой игрушке.

В результате этих экспериментов из игрового набора советского ребёнка исчезла кукла-мама. Её роль стали исполнять куклы-девочки большого размера. Это очень существенный момент в истории русской игрушки, имевший серьёзные последствия для детской картины мира. Игрушка-девочка не могла передать ту идеальную форму взрослости, которая раскрывала ценность материнства. «Идеальная форма отражает будущее ребёнка и тем самым задаёт смысл настоящему, а в ведущей деятельности совершается освоение этого смысла» [16, с. 68].

Однако советский период невозможно ограничивать только спецификой первых революционных лет. Серьёзные педагогические и психологические исследования игры и игрушки легли в основу советской педагогической концепции игры. Активно разрабатывались новые игры и игрушки. Огромный вклад в реабилитацию куклы как детской игрушки внесла Е.А. Флёрина. Большое значение уделяла Е.А. Флёрина традиционной народной игрушке. В советский период были поддержаны многие традиционные народные промыслы – дымковская, каргопольская, филимоновская глиняные игрушки стали не только сувенирами, но и активно использовались в педагогике, особенно дошкольной. Богородская резная игрушка, семёновские матрёшки значительно обогащали и украшали довольно скромный игровой набор советских детей. Мебель в дошкольных учреждениях делалась в традициях народных промыслов, что составляло живой национальный колорит всего периода дошкольного детства. К сожалению, сегодня многие промыслы вновь испытывают серьёзные трудности и находятся на грани исчезновения, не говоря уже о том, что традиционные народные кустарные игрушки исчезли из детской.

Современный игровой набор.

Современные игрушки в основном сохранили традиционный игровой набор. Однако существенно изменился внешний вид игрушки, их стало невообразимо больше. Безусловно, новым явлением стали игрушки, изображающие всевозможных монстров, фантазийных существ и других героев мультипликации. Они выпускаются серийно и связаны более с коммерцией, чем с потребностями ребёнка. Такие игрушки очень популярны, дешёвы, имеют разработанную программу поведения и историю жизни, воплощённую в медиа-продукции. Текст, заложенный в образе игрушки, часто не соответствует контексту, заданному мультфильмом или фильмом, в котором действует данный персонаж. В результате ребёнок теряет критерии различения плохого и хорошего, добра и зла. Появление таких игрушек существенно изменяет детскую картину мира.

Образ человека, который является главным в кукле, искажается, деформируется, либо присваивается неживым предметам (роботы, трансформеры, машинки) и фантазийным существам. За промышленный период своей истории игрушка из символа человека превратилась в модель, искажающую как его телесность, так и собственно человеческое содержание.

Кустарные игрушки составляли основание игровых наборов детей на протяжении нескольких столетий. Они, как мы уже говорили выше, транслировали национальный образ

мира, его своеобразие, эстетические и этические нормы. Сегодня такой игрушки нет в игровом наборе ребёнка. Начиная с советского периода в нашей истории, кукла постепенно утрачивает идеальную норму взрослости, перестает транслировать такие общечеловеческие ценности, как материнство, семья, защищённое детство. Конь постепенно исчез из игрового набора ребёнка, поскольку актуальность и смысл игрушки утрачивается. Сегодня это в основном маленькие фантазийные лошадки, которыми играют девочки. Новыми в игровом наборе детей можно считать появившуюся чуть более ста лет назад мягкую игрушку, которая сегодня составляет основу детского игрового набора. Вместе с мягкой игрушкой в детскую пришли зооморфные образы, которых раньше практически не было. Совершенно не представлены в исторических игровых наборах монстры, inferнальные и фантазийные персонажи. Традиционная культура избегала материализации в игрушке образов зла. Сегодня такие игрушки не только не редки, но и достаточно популярны, особенно у мальчиков.

Результаты проведённого сравнительного анализа, которые отражены в табл. 1, показали, что наибольшие изменения в игровом наборе ребёнка происходят в настоящее время.

Таблица 1

Сравнение исторических и современных игровых наборов

Историческая эпоха	Социальная группа	Кустарная народная игрушка	Кукла	Конь	Зооморфная мягкая игрушка	Монстры, фантазийные, inferнальные персонажи	Значимая игрушка
XVI – XVII вв.	Царская семья	есть	Есть	Есть	нет	Нет	Знамя кукла
XIX – XX вв.	Дворяне	есть	Есть	Есть	единичные	Нет	Солдатык кукла
XIX – XX вв.	Крестьяне	есть	Есть	Есть	нет	Нет	Конь кукла
1917–1991 гг.	Советский дошкольник	есть	нет женского образа. Детские образы	Есть	есть	Нет	идеологизированные игрушки, кукла
Настоящее время	Современные дети	практически нет	деформированные образы	практически нет, фантазийные лошадки для девочек	есть	Есть	зооморфные игрушки

Проведённый анализ игровых наборов детей разных сословий позволяет сделать следующие выводы. Среди игрушек можно выделить особые, связанные с идеей будущего служения ребёнка, его главной работой в жизни. Для царевича таким служением является управление государством. Поэтому игрушечное знамя становится символом его будущей государственной ответственности. Для дворянского мальчика будущее было связано с

воинской или государственной службой. Игрушечный солдатик оказывается символом не столько войны, сколько служения как идеи. Очевидно, что и крестьянский конь является для крестьянского мальчика символом его земледельческого служения, его роли будущего кормильца в государстве. Таким образом, критерием выбора взрослым значимой игрушки для мальчика является идея его будущего социального служения.

Отметим, что основным женским служением во всех сословиях была семья и материнство, что очевидно проявляется в девичьих игрушках. Исключение составляет образная игрушка младенец - «пеленашка», которая была первой игрушкой ребёнка в раннем возрасте вне зависимости от его пола. Поэтому эта игрушка через свой образ транслировала и закрепляла в игровой деятельности с ней не только у девочек, но и у мальчиков важнейший для человеческой картины мира аспект родительства.

Итак, игрушка представляет собой не только игровой предмет, но и определенный текст, заложенный в её образе, форме. Она через свои посреднические функции транслирует ребёнку знаковое представление о телесности, о социальном положении, о жизненной перспективе, раскрывает важнейший для жизни аспект родительства, материнства, особенности юмора и т.д. Игровой набор ребенка выступает как опредмеченная картина мира, в которой определяются не только ее разные материальные элементы, но, прежде всего, перспектива жизненного служения ребёнка.

В процессе игры между ребёнком и образом, воплощённом в традиционной игрушке, выстраивается со-бытийная общность, в которой игрушка реализует свои посреднические функции. Именно через образ она вступает в диалог с ребёнком, направляет его игру в заданном воспитывающим взрослым направлении, транслирует заложенные в ней традиционной культурой смыслы и ценности. Игрушка как знак вписывается в ценностную систему координат, заставляя ребёнка не просто найти ей место, но определить своё отношение к означиваемому игрушкой явлению. В этом направленном взаимодействии игрушки и ребёнка реализуется заложенный в ней педагогический потенциал.

Проведенное исследование свидетельствует об изменении отношения к детской игрушке у современных родителей. Критерием выбора игрушки становится её рациональное применение и значение в когнитивном, интеллектуальном, логическом развитии ребёнка. Рациональное отношение к выбору игрушки преобладает у всех родителей вне зависимости от выбора ими формы обучения для ребёнка.

Это приводит к тому, что родители уже не понимают силы педагогического потенциала образной игрушки и не считают образную игрушку значимой для становления картины мира ребёнка. В результате у детей любимыми игрушками становятся зооморфные персонажи – медведи, зайчики, коты и др. Существенно изменившийся образ куклы, не теряя силы своего потенциала в воздействии на картину мира ребёнка, формирует у девочки не только новый образ женственности, но и новую стратегию женского поведения.

Очевидно, что изменение отношения современного взрослого к игрушке как инструменту формирования картины мира ребёнка в сторону её рационализации и дидактизации лишает ребёнка образно-семантической и ценностно-смысловой составляющей игры с игрушкой. Непонимание родителями педагогического потенциала образной и традиционной игрушки, её значения в становлении картины мира ребёнка приводит к бездумному формированию игрового набора ребёнка.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Орудие и знак в развитии ребенка. – М.: 1984. -6 т. – 6-90 с.
2. *Покровский Е.А.* Детские игры. Преимущественно русские. – СПб.: Фирма ЛАНС", 1994. – 387 с.
3. *Слободчиков В.И.* Антропологическая перспектива отечественного образования. - Екатеринбург: Издательский отдел Екатеринбургской епархии, – 2009. – с. 264

4. *Теплова А.Б.* Педагогический потенциал материнского фольклора и традиционной игрушки для становления картины мира современного ребенка : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук.– Москва, 2013. – 23 с. – 13.00.01 - общая педагогика, история педагогики и образования.
5. *Флёрина Е.А.* Игра и игрушка: пособие для воспитателя детского сада; под ред. Д. В. Менджерицкой. - М.: „ПРОСВЕЩЕНИЕ“, – 1973. – С. 33
6. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. – 1135 с.
7. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях.
8. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях.
9. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях.
10. Славянские древности: этнолингвистический словарь. В 5 томах. Том 1. / Под ред. Н.И.Толстого, Институт славяноведения РАН, 1995 С. 488, с.160
11. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях – 1135 с.
12. *Бенуа А.* Жизнь художника. Воспоминания. - М.: Издательство имени Чехова, 1955. т.1. – 256 с.
13. *Бенуа А.* Жизнь художника. Воспоминания.
14. *Бенуа А.* Жизнь художника. Воспоминания
15. *Флёрина Е.А.* Игра и игрушка: пособие для воспитателя детского сада.
16. *Венгер, А.Л., Слободчиков, В.И., Эльконин, Б.Д.* Проблемы детской психологии и научное творчество Д.Б.Эльконина // Вопросы психологии. – 1988. – №1. – С. 20–29.